

Плох тот диакон, который не мечтает стать священником, хотя упоминать и даже думать об этом среди церковников считается греховным. Мол, подобное самообольщение отнимает время, отпущенное Господом для спасения души.

Однако сын протоиерея одного из соборов южного российского города Владислав Кураков в глубине сердца мечтал. Собственно, будучи потомком духовного лица, он попросту не мыслил себе иной жизненной дороги. И ещё характерно, что с раннего детства мальчик отличался глубокой рассудительностью.

В первый раз в первый класс – в семьдесят восьмом году – он пришёл, ведомый за руку не только матерью, но и отцом, тогда ещё совсем молодым батюшкой, облачённым в рясу. И, разумеется, уже потому обратил на себя особое внимание – как своей учительницы, так и директора школы.

Миновал месяц, и однажды она задержала Владика после занятий.

– Вот ты говоришь, что Бог есть, а наши космонавты, сколько ни летали, никогда его не видели, – авторитетно заявила она. – И почему?

– А для Бога космический корабль – это только малюсенький из многих-многих коридорчик. Потому они Всевышнего из него и не видят. И никогда не увидят, если ещё и не веруют, – был неожиданный ответ.

Учительница сразу не нашлась, как возразить, и сухо произнесла:

– Иди...

С ровесниками мальчик держался несколько обособленно, полагая, что среди них он по-своему избранный. Но, когда требовалось постоять за себя, стоял, и до конца. Лишь изначально обязательно крестился. И одноклассники быстро усвоили: если уж он это сделал, быть битве серьёзной...

После школы – учёба в Ставропольской духовной семинарии. А перед самым поступлением в неё – так было угодно свыше – Владислав потерял мать. Она ещё с детства страдала сердечной недостаточностью. И за год так и не смогла оправиться от обширного инфаркта, случившегося, когда сыну исполнилось шестнадцать.

В двадцать один год Кураков был рукоположен

в диаконы. И во славу Господа начал путь служителя алтаря в старинном храме – небольшим и уютном, окрашенном в голубые тона, с шатровой звонницей и протяжённым притвором, отделанным настенными росписями. Сам храм когда-то возвели на краю основанного задолго до революции кладбища. В середине тридцатых его полностью снесли и похоронили под масштабными производственными строениями. С тех пор об уничтоженном погосте напоминало лишь несколько давних могил, волею случая оказавшихся внутри церковного двора.

Прошло немало лет, пока к ним неожиданно прибавилась ещё одна.

Тогда по заданию настоятеля углубляли подвал под храмом (там новые шкафы по высоте не помещались) и случайно пробили внутреннюю каменную кладку, оказавшуюся перегородкой. За ней открылась потайная комната, на глаз – три на три метра. Посреди неё лежали два скелета с простреленными черепами и в полуистлевшей казачьей форме. С погонами сотника и подьесаула – голубые просветы на серебряном поле, указывающем на принадлежность к войску Донскому. Убиенных перезахоронили в одной могиле и отпели.

Случай этот произвел на Куракова весьма гнетущее впечатление: насколько же сугубо бесчеловечным надо быть, чтобы вершить казнь в святилище, под сенью креста! А семьи погибших явно остались в полном неведении их ужасной судьбы.

Однако сравнительно молодой ещё на тот момент диакон в углу тайника углядел обрывки плотного картона: это оказались остатки паспарту – специальной картонной рамки под снимок. Куски его за без малого век сильно выцвели, приобретя коричневатый оттенок. Аккуратно склеив полосками скотча фото и вооружившись лупой, Владислав разглядел на нём семейный портрет. Сидящий закинув ногу на ногу моложавый мужчина в казачьей повседневной форме имел ярко выраженные надбровья, крупный подбородок и широкие усы стиля «шеvron». Рядом, с ребёнком полутора-двух лет на руках, наряженным в матросский костюмчик, стояла приглядная женщина. С овальным лицом, прямым пробором на идеально гладких волосах и косой, уложенной на затылке корзиночкой. Одета в светлые юбку и блузку с богатой отделкой.

На обороте снимка трудно прочитывалась чернильная надпись: «Дорогому супругу и батеньке Платону Акимычу от жены Настасьи и сына Димитрия. Станица Новойдарская 1914-го года 16-го ноября». Здесь же имелось мастичное клеймо мастера, заключенное в прямоугольник: «Фото В. Квасова».

Пытаясь установить личность хотя бы одного из казнённых, Кураков с благословения настоятеля обратился в епархиальный отдел по работе с казачеством. Сотрудники его связались с Новойдарской, и вскоре Владислав выехал туда на автобусе. Атаман тамошнего казачьего общества – дородный мужчина с погонами есаула – привёл диакона к старейшему из жителей станицы. Владислав предъявил иссохшему древнему деду улучшенный фотошопом снимок.

Долгожитель нацепил очки, подслеповато прищурился.

– Да это же... Это Дмитрий Забазнов, друг детства мой, и с родителями, перед тем как отцу его на империалистическую отправляться. Говорили, приезжал он, кажись, в шестнадцатом в отпуск. Уже в чине подьесаула, с двумя «георгиями». А потом без следа сгинул. Ну, я о ту пору мал был, сам его не помню. Вот фотография у тётки Настасьи точь-в-точь такая же под образами в рамочке висела. Упокоились они давно – и мать дружка моего, и он сам. С Отечественной-то с большими лёгкими вернулся. Всё кашлял, кровью харкал, потом исходил и едва за полста лет перевалил. Еле успел послевоенную дочку в техникуме выучить. Она сама, как на пенсию вышла, сразу к сыну в область и перебралась...

Дед взглянул ещё раз на снимок, совсем по-детски шмыгнув носом.

– Чую, свидимся мы скоро, вышло и моё времечко. Эхх! Как и не жил...

Спустя несколько дней Кураков принимал в храме гостей: интересную пожилую женщину с причёской а-ля Маргарет Тэтчер и розовощекого полнеющего мужчину лет тридцати.

Возложив на казачью могилу охапку редких чёрных калл, таинственных и элегантных, потомки подьесаула отстояли панихиду, поставили заупокойные свечи, пожертвовали храму круглую сумму. И всё душевно благодарили дьякона за разгадку

тайны их рода и обретение могилы предка

А имя павшего за Россию его сослуживца так и осталось неизвестным...

Кому-то из диаконов счастливится подняться рангом выше и стать священником чуть ли не на следующий день после первого рукоположения, а кому-то предстоит надолго задержаться на уровне низшего духовного сана. На всё воля Божия. Ну, и людская тоже.

Когда-то, в самом начале приснопамятной перестройки, несколько прихожан обратились к отцу Владислава: а не согласится ли батюшка баллотироваться депутатом в районный орган местного самоуправления, так сказать, самовыдвиженцем? Паства же, мол, и поддержит, и разрекламирует. Тогда протоиерей – скажем так, не очень продуманно – письменно испросил разрешения на это чуждое действие у каждого из постоянных членов Святейшего Синода.

Официального ответа ни от кого из них он не получил, но этот вопрос на заседании Синода разбирался, и в итоге священника едва не лишили сана (с перевесом в его пользу лишь в два голоса). Посчитали, что гордыня обуяла, раз в мирские дела ввязаться восхотел. А чтобы впредь всяк сверчок знал свой шесток, покарали, услав в далёкий райцентр, в маломощный и скудный приход.

«Сын за отца не отвечает», – сказал ещё до войны на совещании передовых комбайнёров товарищ Сталин, и эту знаменитую фразу немедленно и широко растиражировали советские газеты. Но последовавшие репрессии, увы, её не подтвердили: в серпастом обществе ответ за родителя держать приходилось практически всегда. А священнослужителям – пусть даже и высокого сана – ничто общечеловеческое не чуждо. Вот потому-то, когда, не единожды за многие лета, на епархиальном уровне обсуждался вопрос рукоположения диакона Владислава, кто-то обязательно вспоминал: «Это ведь у него отца за малым не расстригли?».

И – общее резюме: «Пока подождём...»

К слову: хотя всякое сравнение и хромает, однако подобное поведение служителей культа отчасти походило на детскую склонность переносить личную неприязнь к какому-то учителю на его предмет.

«Всякая власть от Бога». Знаменитейшие слова апостола Павла. Библейская аксиома. Так что неупустительно исполнявшему свои, согласно сану, обязанности диакону оставалось только смиряться и терпеливо ждать... ждать... ждать...

«Летят года неуловимо, куда-то быстро вдаль спешат, торопят нас неудержимо законы Божии познать...». Отец Владислав даже и не помнил, где и когда прочёл он эти бесхитростные строки, глубоко врезавшиеся в память. А года действительно летели... И вот уже минуло более двадцати лет церковной службы, близилась дата серебряной свадьбы – «окольцевался» Кураков еще будучи семинаристом, – и дочь, окончив вуз, невестилась, а младшенькие, мальчишки-близнецы, доросли до старшекласников, постаревший же отец теперь часто прихварывал. Склонный к полноте служитель подобрел, широкоскулое лицо его совсем округлилось, а вдоль развитого лба обозначились короткие морщины. Появились и вертикальные складки над основанием крупного, с маленькой горбинкой носа. Симптом зарождающейся аритмии сердца: у матери Владислава они после инфаркта были выражены особенно сильно.

К этому времени засидевшийся в диаконах человек устал безропотно ожидать рукоположения, и его матовые глаза минорно взирали на белый свет. Нет, бунтовать он вовсе не собирался. Он просто устал...

И вдруг – исполнение давней, ещё детской мечты, с которой человек с дошкольных лет следовал по жизни, произошло не во сне, а наяву!

Хотя, конечно, «вдруг» – сказано неточно: этому предшествовала беседа с архиереем, объявившим Куракову об избрании его для хиротонии, затем «ставленническая исповедь» у духовника духовенства, в заключение которой отец Владислав смиренно просил о даровании ему непорочного священства, последующее говение...

Августовским воскресным днём, на литургии святого Иоанна Златоуста, церемония рукоположения, внушительная и торжественная, наконец содеялась.

«Аксиус!» (с греческого: достоин) – произнёс в завершение её архиерей,

а преклонивший колени теперь уже бывший диакон ощутил прикосновение благословляющей его десницы и под торжественное пение хора, трижды повторившего это восклицание, получил из рук владыки атрибуты служения священника: епитрахиль¹, пояс, фелонь², наперсный крест и Служебник³, отныне став иереем. Трепетно и с непередаваемыми словами чувствами поцеловал он каждый из этих символических предметов и невольно прослезился. Совершилось!

По окончании таинства не обошлось, конечно, без традиционного в таких случаях основательного застолья.

Впрочем, всё это было вчера. А сегодня утром новоявленный батюшка – пока ещё в гражданском облачении – сошёл с маршрутки и без четверти десять шагнул на столь знакомый церковный двор. Перед центральным входом в храм привычно осенил себя крестом и прошествовал в отведённую ему келью, располагавшуюся в отдельно стоящем здании хозяйственных построек.

Там вновь перекрестился: теперь на иконы, двумя рядами висевшие на дальней стене довольно просторной комнаты на три небольших окна, облачился в песочный подрясник и чёрные туфли и взглянул на часы – близилось время приёма прихожан и других лиц. Попутно отец Владислав отметил: хотя отныне обязанности его стали иными, чего-то особенного, подспудно ожидаемого им в первый день своей службы Господу в новой ипостаси, вовсе не происходило.

Собственно говоря, а что именно следовало бы ожидать?

Ранее Куракову в подобных приёмах напрямую участвовать не приходилось: не диаконовский это ранг. Вот молча слушать, как первый его настоятель ведёт беседы с людьми, мудрости набираться да стараться таковую перенимать – это, конечно, куда легче. А тут – за всех и вся в ответе сам. Потому и волновался иерей: а вдруг да с каким необычным вопросом обратится кто-либо? Впрочем, на крайний случай всегда можно посоветоваться с опытным батюшкой – именно он сегодня по графику был дежурным священником в храме и вёл богослужения.

Но никаких сюрпризов нынешний день пока не обещал. Прихожане спрашивали благословения на рождение отроча (ребёнка) или на сдачу вступительных экзаменов в вуз, кто-то желал освятить квартиру, другой – икону,

Договаривались по времени о крестинах младенца, а пожилая супружеская пара наконец-то надумала венчаться. Однако вот и трагический случай: «Батюшка, у меня сын двадцатилетний разбился на машине, сейчас в реанимации в тяжелейшем состоянии. Умоляю: научите, что делать дальше?».

И каждому надлежало разъяснить, дать совет, успокоить...

Когда все просители наконец разошлись, отец Владислав вышел на церковный двор: проветриться и обзреть, всё ли на храмовой территории в надлежащем порядке. Вскоре ноги привели его в маленький садик, в глубине которого располагались пять сохранившихся вековых могил и казачья, недавняя.

На одном из старых захоронений высился исполненный в неординарном, масонском стиле гранитный памятник в виде толстого ствола дерева с двумя отпиленными по бокам суками. Венчался он четырёхконечным, из того же вечного камня, крестом. На срезах суков выбиты надписи: «Спаси, Господи, душу раба Твоего» и «Мир праху твоему», а в центре ствола – вырубленная ниша со стеклянной, в металлической рамке дверкой: под лампадку. Под нишей же красовалась ритуальная и опять-таки сработанная из гранита табличка, внешне походившая на старинную грамоту со слегка заворачивающимися краями. Текст на ней гласил: «Здесь покоится прах раба Божьяго коллежскаго асессора И.А.Кафтановскаго, скончавшагося 25 апреля 1890 на 51 году».

– Здравствуйте, батюшка...

Отец Владислав повернулся влево: перед ним стоял маленький тощенький мужчина неопределённого возраста: то ли тридцать, то ли за сорок. Смущало сильно морщинистое и осунувшееся, плохо выбритое лицо. Но седина, даже на висках, вовсе не проглядывала. Серая рубашка, похоже, специально наполовину расстегнута, чтобы на хилой, но выпяченной груди хорошо был виден простенький нательный крестик. Очередной прихожанин? И следом мелькнула мысль: вот именно таких невзрачных мелкотравчатых мужичков на Руси издавна прозывали фуфлыгами.

– Здравствуй.

– Можно ли к вам обратиться?

– Обращайся, пожалуйста.

– Помогите, батюшка, чем можете, материально. Жена очень больная, после сильного инфаркта почти не ходит, только, пардон, до горшка. На лекарства бы...

Обычно священники денег прихожанам не дают, а советуют молиться, и Бог, мол, тебе поможет. Но сегодня иерей без раздумий решил сделать исключение: ведь послезавтра исполнялось двадцать пять лет со дня кончины его матери, слишком рано ушедшей в лучший мир, и от той же самой летальноисходчивой сердечной болезни, которой хворала жена просителя.

Отец Владислав молча достал бумажник и вынул из него единственную тысячную, оставив лишь три или четыре медно-стальных десятирублевика – чисто на проезд. Нет, дома-то ещё деньги наличествовали. Но именно на эту имеющуюся при себе «штуку» Кураков сегодня вечером рассчитывал приобрести колбасы-ветчины-сыра-селёдки на поминки.

«Ладно, как-нибудь обойдёмся. На благое дело ведь. Такой же страдалице, как и матушка была. А продукты... Что ж, в конце концов, ещё завтра день будет, успеем закупиться», – подумал он.

– Спаси Господи, батюшка, за вашу доброту и помощь, – жадно цапнул крупную купюру тощенький. – Благословите на покупку лекарств.

– Бог благословит, – отвечив иерей, и даже обещание-то не стал брать, что не на предосудительные дела благоподаяние употребится.

Проситель быстренько упрятал деньги во внутренний карман пиджака, для надёжности ещё и застегнув его на булавку. И вдруг, сверх всякого чаяния, произнёс, указуя на гранитное «суковатое» надгробие:

– Батюшка, а ведь здесь мой родственник лежит.

– Откуда ведомо?

– У меня прабабка почти век протянула – и чудное дело: всё на своих ногах, – так уверяла, что это дед еёбыл. Только не родной, а двоюродный, родному-то он почти в отцы годился. Совсем пацаном меня сюда в церковь приводила и могилку предьявляла. Я это «дерево недеревянное» с закидонами, – кивнул тощенький на монумент, – по его кошмарности враз упомянул... – И неожиданно подытожил: – А прабабка до чего набожна была – прямо страсть!

– Уважения достойно, – заключил отец Владислав, изумившись: надо же, насколько тесен оказался мир поднебесный! Насчёт «недеревянного дерева» и «кошмарности» он выговаривать не стал, памятуя, что горбатого могила исправит.

Удовлетворённый проситель для приличия потоптался ещё с полминуты.

– Ну, я пойду?

– Иди с миром...

Тощенький скорым шагом удалился. А священник вновь воззрился на столь необычной формы памятник.

«Видать, не из бедных покойный-то был, коль ему на этакую вычурность расстарались, – подумалось иерею. – Интересно, коллежский асессор – это высокий считался чин? Надо бы в Интернете глянуть... Полвека жизни... Немного, однако, он намерил. Удалось ли детей переженить? А собственно, были они у него? Одному Господу нынче ведомо... И сколь нагрешить успел и успел ли исповедоваться... Эх, жизнь наша скоротечная! Зато гранит второй век незыблем стоит. Но тоже: от всеобщего кладбищенского порушения лишь чудом уцелел...».

Кураков повернулся к соседствующей казачьей могиле: на деревянном кресте её теперь была установлена пластиковая, с окантовкой табличка серебряного оттенка с чёрным текстом: «Подъесаул войска Донского Забазнов Платон Акимович. 1889 – 19??» – и ниже: «Сотник войска Донского. Фамилия неизвестна».

«Обидно: так второй офицер безымянным и лежит, – оформилась у отца Владислава новая мысль. – Тут атаман ничем не помог: видать, этот убиенный из другой станицы был родом. А из какой – опять только Господу известно. Но хотя бы останки теперь в земле покоятся, родственники же подъесаула уход за последним пристанищем воинов блюдут. Вот совсем недавно опять каллы на могилу возлагали,

панихиду заказывали».

Тут к размышляющему о телесной брэнности и долговечности монументов подошла пожилая свечница, которая лет десять уж как работала в церкви.

– Батюшка, извиняюсь, у Вас спросить можно?

– Спрашивай.

– Вот к Вам сейчас мужчина такой мелковатый подходил, он денег просил?

– Да.

– И Вы дали?

– Да.

– Ох, не на доброе дело он их у вас выцганил!

– «Не судите, да не судимы будете». Он для больной жены, на лекарства.

– Батюшка, да он сроду никогда женат не был! Я ж его как облупленного знаю! По соседству живёт. Бездельник и горький пьяница, креста на нём нет!

– Так имелся ведь.

– Значит, для блезиру нацепил. Он в церковь-то и носу никогда не кажет! А тут – сподобился. Видать, узнал откуда-то про Ваше рукоположение и момент выигрышный подгадал. В свою пользу. Ну, а когда со двора-то поспешал, увидел меня у ворот, приостановился да и заявляет: мол, батюшка-то новый ваш – и дальше с издевкой в голосе, – сильно верующий оказался. Я ему: «Окстись, охальник, а каким же ему ещё быть?». А этот алкоголик ухмыляется и ответно: «Да я в том плане, что всякому встречному-поперечному сразу-то верить не след». И помчался – небось до ближайшего гастронома, побыстрее зенки залить.

– Что ж... Бог ему судья, – только и вымолвил священник, разом ощутивший душевную смуту: ведь на чём удалось сыграть грешнику! На святом, на памяти о самом близком и родном человеке!

...Спустя двое суток, аккурат в день поминовения матери, свечница с утра вновь подошла к отцу Владиславу.

– Батюшка, можно обратиться?

– Пожалуйста.

– Помните, у Вас позавчера мой сосед неблагополучный денег выпросил?

– Помню, конечно, – поморщился иерей: придумала же баба опять на большую мозоль наступить! И к чему?

– Ну так вот: не пошли они ему на пользу. Он в тот же день какой-то дряни палёной опился и к ночи помер. Сегодня похороны.

– Да-а-а, – поразился отец Владислав. – Надо же, насколько быстро его Божий гнев настиг. Господь ведь всё видит и никогда не бывает поруган.

Про себя же он подумал, что поскольку не признающих Бога и Он не может спасти, а в их числе и опочившего, то пусть останется это на Его воле. Другое дело, что дающий не во благо грех берущего разделяет. Посему помолиться за новопреставленного, в гибели которого, сам того не желая, оказался повинен, в любом случае необходимо. И хотя не дано понять, за что именно столь тяжко наказан, а с этим трагичным уроком как-то и дальше по жизни идти надобно.

